

Урбанистика и городские системы <https://ugsjournal.ru>
Urban Studies and Urban Systems

2026, Том 3, № 1 / 2026, Vol. 3, Iss. 1 <https://ugsjournal.ru/issue-1-2026.html>

URL статьи: <https://ugsjournal.ru/PDF/03AZUG126.pdf>

DOI: 10.15862/03AZUG126 (<https://doi.org/10.15862/03AZUG126>)

2.1.12 Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности

Ссылка для цитирования этой статьи:

Альхасан, А. Влияние спортивной инфраструктуры на социальное взаимодействие в городской среде Ближнего Востока / А. Альхасан // Урбанистика и городские системы. — 2026. — Т. 3. — № 1. — URL: <https://ugsjournal.ru/PDF/03AZUG126.pdf>. DOI: 10.15862/03AZUG126.

For citation:

Alhasan A. The impact of sports infrastructure on social interaction in the urban environment of the Middle East. *Urban Studies and Urban Systems*. 2026;3(1): 03AZUG126. Available at: <https://ugsjournal.ru/PDF/03AZUG126.pdf>. DOI: 10.15862/03AZUG126. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 711.4:796:316.334.56

Альхасан Аммар

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, Россия
Аспирант
E-mail: 1042255221@rudn.ru

Влияние спортивной инфраструктуры на социальное взаимодействие в городской среде Ближнего Востока

Аннотация. В статье представлен обзорно-теоретический анализ влияния спортивной инфраструктуры на социальное взаимодействие в городах Ближнего Востока. Актуальность темы определяется ускоренной урбанизацией региона, ростом миграционной неоднородности, коммерциализацией досуга и поиском новых форм общественной интеграции. Автором рассмотрены спортивные объекты не только как рекреационные сооружения, но и как элементы городской социальной инфраструктуры, через которые формируются повседневные контакты, доверие, коллективная идентичность и режимы доступа к публичному пространству. Методика исследования основана на критическом анализе работ по социальному капиталу, публичной сфере, урбанистической социологии, социологии спорта и исследованиям ближневосточной урбанизации. В статье выделены пространственный, институциональный, культурно-символический, гендерный и экономический механизмы воздействия спортивной инфраструктуры. Показано, что интегративный потенциал спорта зависит не столько от масштаба объекта, сколько от его доступности, регулярности использования, программного управления и способности включать разные группы населения. Сравнение Катара, Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии позволяет выявить репрезентационную, рыночно-урбанистическую и реформаторско-инклюзивную модели. Особое внимание уделено районным площадкам, гибридным спортивно-общественным хамам, коммерческим фитнес-клубам и объектам мегасобытий, поскольку они создают разные режимы включения пользователей. В статье предложены две авторские схемы и две аналитические таблицы, уточняющие проектные и управленческие условия социальной результативности. Сделан вывод о двойственном характере спортивной инфраструктуры: она может укреплять межгрупповые связи, но при элитарном или событийном управлении способна воспроизводить социальную стратификацию.

Ключевые слова: спортивная инфраструктура; социальное взаимодействие; городской спорт; социальный капитал; публичное пространство; Ближний Восток; городская интеграция; спортивные мегасобытия; гендерная инклюзия

Введение

Города Ближнего Востока в последние десятилетия развиваются в условиях демографического роста, миграционной неоднородности, пространственного расслоения и активного производства новых репрезентативных образов. Спорт занимает в этих процессах не периферийное положение. Он включается в стратегии национального брендинга, повседневного досуга, молодежной политики и пространственной модернизации. Поэтому спортивное сооружение уже нельзя рассматривать только как объект рекреации. В городской среде оно действует как узел повторяющихся контактов, управляемый режим доступа и материальная рамка коллективного поведения.

Проблема статьи связана с тем, что интегративный эффект спортивной инфраструктуры часто описывается декларативно. Предполагается, что появление стадиона, парка активного отдыха или районного комплекса автоматически укрепляет городское сообщество. Однако исследования социального капитала показывают более сложную картину: коллективная практика дает устойчивый эффект лишь тогда, когда она повторяема, институционально поддержана и доступна для разных групп [1]. Подход П. Бурдьё заставляет учитывать и обратную сторону этого процесса. Пространства спорта могут закреплять статусные различия, если доступ к ним определяется ценой, клубной принадлежностью или территориальной сегрегацией [2].

В архитектурно-градостроительном отношении вопрос состоит не в количестве спортивных объектов, а в характере их включения в городскую ткань. Спортивная площадка у школы, муниципальный зал, коммерческий фитнес-центр, олимпийский стадион и городской парк создают разные режимы социальности. Одни поддерживают короткие повседневные встречи. Другие формируют закрытые клубные сети. Третьи работают преимущественно как символические события. Поэтому статья рассматривает спортивную инфраструктуру как систему объектов, программ и правил использования, а не как сумму зданий [3–6].

Цель исследования - выявить, каким образом спортивная инфраструктура влияет на социальное взаимодействие в городской среде Ближнего Востока. Для достижения этой цели решаются три задачи: уточнить теоретическую рамку анализа; выделить основные механизмы социального воздействия; сопоставить разные модели развития спортивной инфраструктуры в странах региона. Научная новизна статьи заключается в соединении архитектурно-градостроительного анализа с теориями социального капитала, публичной сферы и социологии спорта.

Методика и материал исследования

Статья имеет обзорно-теоретический характер. Материалом исследования стали научные книги и статьи, посвященные социальному капиталу, публичной сфере, городской повседневности, спортивной социализации, спортивным мегасобытиям и урбанизации стран Персидского залива. Отбор источников проводился по тематическому принципу: в корпус включались работы, где спорт рассматривался не только как физическая активность, но как механизм производства социальных связей, идентичности или пространственного неравенства.

Методика объединяет несколько процедур. Во-первых, применяется понятийный анализ, позволяющий разграничить спортивный объект, спортивную инфраструктуру и

спортивно-общественную среду. Во-вторых, используется сравнительная интерпретация кейсов, поскольку Катар, Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия демонстрируют разные способы политического, коммерческого и социального использования спорта. В-третьих, проводится критическая оценка предположения о социальном эффекте спорта. Эта осторожность принципиальна: Ф. Коултер убедительно показывает, что социальные результаты спортивных программ нельзя выводить из самого факта участия без анализа условий, целей и измеримых последствий [7].

В качестве аналитических критериев использованы доступность, регулярность пользования, пространственная распределенность, институциональное сопровождение, гендерная включенность, связь с повседневными маршрутами и характер управления. Подобная рамка опирается на исследования спорта и социального капитала [8], а также на модели оценки спортивных проектов развития, где значимы не только краткосрочные события, но и устойчивые социальные отношения после завершения проекта [9].

Теоретические основания: спорт, публичность и городская социальность

Понятие социального капитала позволяет объяснить, почему спортивные пространства обладают потенциалом социальной интеграции. Р. Патнэм связывает социальный капитал с доверием, нормами взаимности и горизонтальными связями [1]. В городском контексте эти связи возникают не абстрактно. Им требуются материальные места, повторяемые сценарии и понятные правила участия. Спортивная площадка, любительская лига или районный зал создают именно такую ситуацию: участники регулярно встречаются, признают общие правила и вступают в кооперацию, даже если принадлежат к разным социальным группам.

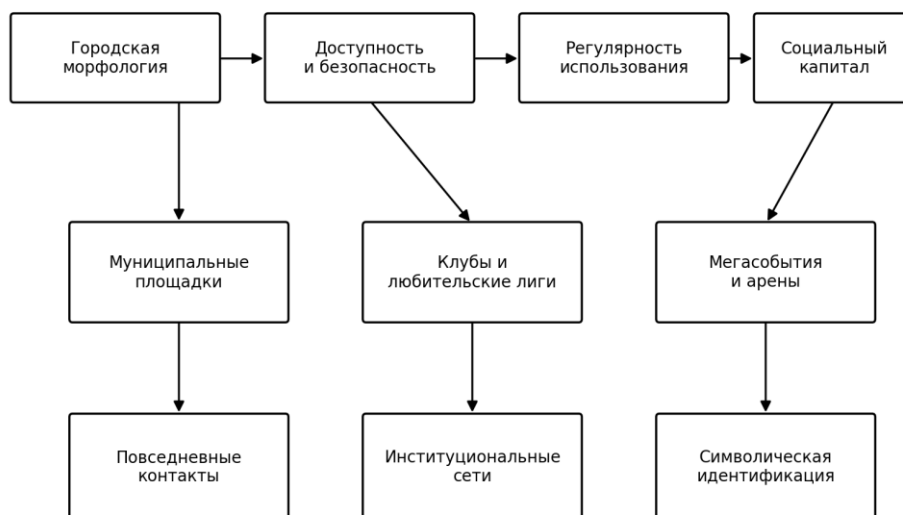
Подход П. Бурдьё вводит необходимую поправку. Спорт не является социально нейтральной практикой. Он включен в распределение экономического, культурного и символического капитала [2]. В ближневосточных мегаполисах это особенно заметно. Закрытые фитнес-клубы, элитные академии и престижные спортивные кварталы могут усиливать статусное различие, тогда как муниципальные площадки и школьно-районные комплексы чаще работают как пространства смешанного использования. Следовательно, интегративный эффект зависит от архитектурной типологии, тарификации, транспортной доступности и управленческой политики.

Концепция публичной сферы Ю. Хабермаса важна потому, что спортивный объект часто становится местом неформальной публичности [3]. Здесь обсуждение не обязательно принимает рационально-дискурсивную форму. Но присутствуют наблюдение, совместное переживание, поддержка команд, случайные разговоры и практики признания. Р. Олденбург описывал такие места как пространства вне дома и работы, где поддерживается повседневная ткань сообщества [4]. Открытая спортивная площадка может выполнять эту функцию, если она не изолирована от улицы, школы, парка и локального обслуживания.

Градостроительная теория усиливает этот аргумент. А. Лефевр рассматривал пространство как социальный продукт, а не как нейтральную сцену [5]. Дж. Джейкобс, анализируя городскую улицу, подчеркивала значение коротких повторяющихся контактов и визуальной взаимной узнаваемости [6]. Для спортивной инфраструктуры это означает, что социальный эффект создается не только внутри здания. Он формируется на подходах к объекту, в прилегающем сквере, у входной группы, на маршруте между жильем, школой и остановкой. Если объект отделен магистралями, заборами или режимом элитного доступа, его общественная функция сокращается.

Поэтому спорт в городе следует понимать как инфраструктуру социальных ситуаций. Он соединяет телесную практику, архитектурную форму, организационный режим и

символическое значение. Как показано на рисунке 1, интегративная роль возникает через последовательную связь между городской морфологией, доступностью, регулярностью использования и накоплением социальных связей. Разрыв любого звена ослабляет общий эффект.

Интегративный эффект возникает только при открытом доступе, программном управлении и устойчивом обслуживании.

Рисунок 1. Концептуальная модель связи спортивной инфраструктуры и социального взаимодействия. Разработано автором.

Урбанизационный контекст Ближнего Востока

Ближневосточная урбанизация неоднородна. Нефтяные монархии Персидского залива развивают спортивную инфраструктуру как часть постнефтяной диверсификации, туризма, международного позиционирования и реформы досуга. Более старые города региона сталкиваются с другой проблемой: нехваткой равномерно распределенных общественных пространств, миграционным давлением и последствиями политической нестабильности. В обоих случаях спорт используется как инструмент городского управления, но социальный результат отличается.

В Катаре спортивная инфраструктура особенно тесно связана с международной репрезентацией. Исследования глобального спорта показывают, что спортивные мегасобытия становятся для малых государств механизмом дипломатической видимости и символической силы [14]. Грикс и Браннаган описывают этот процесс через стратегии мягкой силы, где событие, медийный образ и инфраструктурное наследие соединяются в единую государственную программу [15]. Однако именно здесь возникает риск: стадион может быть великолепным архитектурным объектом, но его повседневная социальная функция после события остается неопределенной.

Дубай и Абу-Даби демонстрируют иную логику. Здесь спортивная инфраструктура вписана в коммерциализированную городскую среду, где досуг, туризм, торговля, недвижимость и международная мобильность образуют единый урбанистический пакет. Дубайская модель, описанная Й. Эльшештави как урбанистический спектакль [22], показывает высокую способность города производить узнаваемые образы. Но для анализа социального

взаимодействия важен вопрос, какие группы получают доступ к этим образам и какие остаются пользователями периферийных или менее обслуженных пространств.

Саудовская Аравия в последние годы развивает реформаторскую повестку спорта, включая расширение женского участия и массовых программ. Для темы статьи существенна не сама декларация модернизации, а пространственная сторона изменений. Гендерно чувствительная спортивная инфраструктура требует безопасных маршрутов, регулируемого расписания, культурно приемлемых форм приватности и новых типов спортивно-общественных объектов. Исследования мусульманских женщин в спорте показывают, что участие определяется не только запретами или разрешениями. На него влияют одежда, семейные ожидания, качество помещений, наличие женского персонала и режим видимости [20; 21].

Механизмы влияния спортивной инфраструктуры

Спортивная инфраструктура воздействует на социальное взаимодействие через несколько взаимосвязанных механизмов. Первый механизм - пространственный. Он зависит от того, насколько объект расположен внутри повседневных маршрутов. Площадка, встроенная в жилой район, создает больше случайных встреч, чем удаленная арена. Второй механизм - институциональный. Клубы, секции, любительские лиги и школьные программы превращают объект из материальной оболочки в устойчивую социальную сеть.

Третий механизм - культурно-символический. Спортивное событие может создавать чувство принадлежности, коллективные эмоции и образ города. Однако этот механизм нестабилен, если он не поддержан повседневным использованием. Четвертый механизм - гендерный. Доступ женщин к спорту меняет не только структуру досуга, но и границы публичного участия. Пятый механизм - экономический. Тарифы, членство, транспортные затраты и стоимость экипировки могут открывать или закрывать спортивное пространство для разных групп.

Обобщение этих механизмов представлено в таблице 1. Таблица показывает, что социальный эффект не является прямым следствием архитектурного масштаба. Небольшая муниципальная площадка при правильном управлении может создавать больше устойчивых контактов, чем крупная арена с событийным режимом использования. Эта логика совпадает с критикой инструментального подхода к спорту: социальное развитие возникает через долговременные отношения, а не через разовое участие [9–10].

Таблица 1.

Механизмы социального воздействия спортивной инфраструктуры

Механизм воздействия	Архитектурно-градостроительное условие	Социальный результат	Риск при слабом управлении
Пространственный	Расположение в жилых районах, связь с улицей, школой, парком и остановками	Повседневные контакты, узнаваемость соседей, снижение социальной дистанции	Изоляция объекта, зависимость от автомобиля, низкая посещаемость
Институциональный	Наличие секций, любительских лиг, школьных и муниципальных программ	Формирование правил кооперации, доверия и устойчивых сетей	Разовое использование без долговременного социального эффекта

Культурно-символический	Событийная программа, видимость объекта, связь с локальной идентичностью	Коллективные эмоции, городская принадлежность, символическое признание	Имиджевый объект без повседневного наследия
Гендерный	Безопасные маршруты, гибкое расписание, приватность, женский персонал	Расширение участия женщин и семейных сценариев досуга	Формальное разрешение без фактической доступности
Экономический	Бесплатный или смешанный доступ, умеренные тарифы, транспортная доступность	Включение молодежи, мигрантов и групп с разным доходом	Закрепление статусных барьеров и клубной сегрегации

Источник: разработано автором на основе [1–12].

Спорт, миграция и межкультурная коммуникация

Транснациональная миграция является одним из ключевых факторов ближневосточной городской среды. В странах Персидского залива городское население часто включает большое число работников-мигрантов, специалистов, сервисных сотрудников и временных резидентов. В таких условиях спорт может выполнять функцию минимального общего языка. Правила игры создают понятный порядок взаимодействия, не требующий полного культурного совпадения. Но такой порядок не отменяет социального неравенства.

Р. Спай и его коллеги показывают, что спорт для беженцев и вынужденных мигрантов может быть источником принадлежности, телесного восстановления и новых социальных связей, но он также способен воспроизводить исключение, если программы не учитывают опыт участников [12–13]. Для ближневосточного города этот вывод особенно важен. Мигранты могут присутствовать в спортивных пространствах как зрители, работники обслуживания или пользователи периферийных площадок, но не обязательно как равноправные участники. Архитектурная доступность должна сопровождаться программной доступностью.

Наиболее продуктивны объекты, где спортивная функция связана с образовательными, культурными и районными сервисами. Такие гибридные пространства снижают барьер входа. Человек приходит не только тренироваться, но и сопровождать ребенка, встречаться с соседями, участвовать в локальном событии или пользоваться общественными услугами. В этом смысле архитектурная программа становится средством межкультурной коммуникации. Она распределяет разные сценарии во времени и пространстве, предотвращая как изоляцию групп, так и принудительное смешение без условий доверия.

Экономика доступа и пространственная стратификация

Экономическое измерение спортивной инфраструктуры в регионе амбивалентно. Инвестиции в спорт создают рабочие места, повышают качество городской среды и поддерживают имиджевые стратегии. Одновременно они могут усиливать неравенство, если основные ресурсы концентрируются в престижных районах, коммерческих клубах или объектах, ориентированных на туристическую экономику. Социальный эффект спорта в такой ситуации становится селективным.

Закрытая спортивная инфраструктура формирует особый тип городского разделения. Она не всегда физически непроницаема, но управляется через цену, членство, форму одежды, расписание и нормы поведения. Это мягкие фильтры доступа. Они действуют менее заметно,

чем стена или охрана, но столь же эффективно распределяют пользователей. В терминах Бурдьё спорт превращается в практику различения, где тело, досуг и пространство становятся маркерами статуса [2].

Открытая инфраструктура работает иначе. Ее социальный потенциал возникает из повторяемости и предсказуемости. Люди должны знать, что площадка безопасна вечером, что расписание не исключает женщин или детей, что объект обслуживается, а конфликтные ситуации регулируются. Поэтому архитектурное проектирование должно учитывать не только планировку и материалы, но и жизненный цикл использования. Без эксплуатации, кадров и понятного управления даже хорошо расположенный объект быстро теряет общественную функцию.

На рисунке 2 предложена матрица, позволяющая различать четыре типа спортивных пространств по масштабу и режиму доступа. Матрица показывает, что социальная результативность не совпадает с престижностью. Наиболее устойчивые межгрупповые связи формируются там, где повседневный масштаб соединяется с открытым или смешанным доступом.

		Режим доступа	
		закрытый / платный	открытый / смешанный
Масштаб	городской инициативный	Элитные клубы: символический капитал, ограниченная смешанность	Мегасобытия: репрезентация, условный общественный эффект
	районный повседневный	Коммерческие залы: регулярность, но ценовой фильтр	Муниципальные площадки: устойчивые контакты, bridging-связи

Наиболее устойчивое социальное взаимодействие формируется в правом нижнем секторе.

Рисунок. 2. Матрица социального потенциала спортивных пространств по масштабу и режиму доступа. Разработано автором.

Сравнительная типология региональных моделей

Сравнение стран региона позволяет выделить три модели развития спортивной инфраструктуры. Они не являются жесткими национальными типами. Скорее, это аналитические конфигурации, которые могут сосуществовать внутри одного города. Тем не менее в каждой стране заметна доминирующая логика.

Государственно-репрезентационная модель характерна для Катара. Здесь спортивная инфраструктура служит инструментом международного позиционирования, дипломатического присутствия и национальной консолидации. Работы П. Браннагана и Р. Джулианотти показывают, что чемпионат мира по футболу встроен в более широкий проект глобальной видимости Катара [16]. Н. Кох дополняет эту картину критикой чисто мягкосилового объяснения. Она показывает, что спортивные события нужно рассматривать как часть геополитики, городского маркетинга и материального переустройства пространства [17–18].

Рыночно-урбанистическая модель наиболее заметна в Объединенных Арабских Эмиратах. Спортивные объекты здесь часто связаны с недвижимостью, туризмом, торговыми центрами, частными школами и корпоративным досугом. Это создает высокое качество

отдельных пространств, но усиливает зависимость доступа от дохода и локализации. В такой модели спорт поддерживает межкультурное взаимодействие глобальных профессиональных групп, но слабее работает с низкооплачиваемыми мигрантами и периферийными районами.

Реформаторско-инклюзивная модель связана с Саудовской Аравией. Ее особенность состоит в том, что спортивная инфраструктура используется как часть социального обновления, включая женское участие и расширение массовых практик. Однако устойчивость этой модели зависит от того, станет ли спорт повседневной районной инфраструктурой, а не только символом реформ. Исследования женщин в спорте показывают, что институциональное разрешение должно быть дополнено подходящими пространствами, тренерскими кадрами и культурно чувствительными программами [19–20].

Сводная характеристика моделей представлена в таблице 2. Она фиксирует не преимущества стран, а различия в механизмах воздействия. Для архитектурного анализа особенно важна последняя колонка, где социальные риски связаны с управлением и доступом, а не только с формой здания.

Таблица 2.

Типология моделей развития спортивной инфраструктуры в городах Ближнего Востока

Модель	Преобладающий пример	Институциональная логика	Типичные объекты	Потенциал взаимодействия	Ключевой риск
Государственно-репрезентационная	Катар	Международный имидж, дипломатия спорта, национальная консолидация	Стадионы, арены, объекты мегасобытий	Коллективная идентификация и символическое единство	Слабое повседневное наследие после события
Рыночно-урбанистическая	Объединенные Арабские Эмираты	Коммерческий досуг, туризм, недвижимость, глобальная мобильность	Фитнес-клубы, спортивные кварталы, объекты при торговых и жилых комплексах	Межкультурные контакты в глобализированной среде	Ценовой и территориальный фильтр доступа
Реформаторско-инклюзивная	Саудовская Аравия	Социальная модернизация, расширение массового и женского спорта	Женские центры, школьные и муниципальные программы, семейные спортивные зоны	Расширение участия ранее ограниченных групп	Недостаточность инфраструктуры и кадров для повседневной практики
Районно-гибридная	Потенциальная модель для разных городов региона	Связь спорта с образованием, общественными сервисами и локальным управлением	Открытые площадки, районные хабы, спортивно-общественные парки	Устойчивые bridging-связи и локальная взаимная узнаваемость	Недофинансирование эксплуатации и программ

Источник: разработано автором на основе [14–22].

Обсуждение

Полученные результаты позволяют критически уточнить распространенное представление о спорте как универсальном средстве интеграции. Спортивная инфраструктура действительно может укреплять социальные связи. Она создает поводы для регулярных встреч, снижает дистанцию между группами и дает молодым пользователям институционально признанные формы участия. Эмпирические исследования спортивной вовлеченности подтверждают связь между участием в спортивных организациях и социальной связанностью [11]. Но эта связь зависит от структуры участия.

Архитектурный масштаб сам по себе не гарантирует социального эффекта. Крупный стадион производит сильный образ, но его повседневная плотность использования часто невелика. Районная площадка, напротив, редко становится объектом международной репрезентации, но способна создавать устойчивые контакты. Такое различие особенно важно для ближневосточных городов, где государственные и частные инвестиции часто тяготеют к видимым объектам. Социальное взаимодействие требует менее эффектной, но более тонкой инфраструктуры: раздевалок, тени, безопасных входов, женских часов, детских программ, доступного транспорта и регулярного обслуживания.

В теоретическом отношении статья показывает необходимость соединять три оптики. Первая - социологическая: спорт формирует социальный капитал, но может закреплять неравенство. Вторая - градостроительная: объект действует через свое положение в сети улиц, школ, жилья и транспорта. Третья - институциональная: программы, тарифы и правила пользования определяют, кто фактически входит в пространство. Без этой связки анализ рискует стать либо архитектурным формализмом, либо абстрактной социологией без материальной среды.

Ограничение исследования состоит в его обзорно-теоретическом характере. Статья не включает собственные полевые наблюдения, опросы пользователей или картографирование доступности. Поэтому выводы следует понимать как аналитическую рамку для последующего эмпирического исследования. На следующем этапе целесообразно сопоставить несколько районов в Дохе, Дубае, Эр-Рияде и городах Леванта по четырем показателям: шаговая доступность спортивных объектов, стоимость участия, гендерный режим пользования и наличие регулярных смешанных программ.

Заключение

Спортивная инфраструктура в городской среде Ближнего Востока выступает не только рекреационным ресурсом, но и значимым инструментом организации социального взаимодействия. Ее влияние проявляется через пространственную доступность, институциональные формы участия, культурно-символическую репрезентацию, гендерную включенность и экономику доступа. Именно сочетание этих факторов определяет, будет ли объект создавать межгрупповые связи или воспроизводить городскую стратификацию.

Исследование показало, что наиболее устойчивый социальный эффект возникает в инфраструктуре повседневного масштаба. Муниципальные площадки, школьно-районные комплексы, общественные спортивные парки и гибридные хабы эффективны тогда, когда они связаны с жилой средой, безопасны, обслуживаются и включают программы для разных групп. Мегасобытия и престижные арены могут усиливать коллективную идентичность, но их долгосрочный вклад зависит от наследия использования после события.

Для архитектурной и градостроительной практики главный вывод состоит в необходимости проектировать не только спортивные сооружения, но и режимы социального

доступа. В ближневосточном городе спортивная инфраструктура должна рассматриваться как часть публичной среды, где материальная форма, программа, управление и культурная чувствительность образуют единую систему. Только в этом случае спорт становится не витриной модернизации, а инфраструктурой повседневной городской интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community / R.D. Putnam. — New York: Simon & Schuster, 2000. — 541 с. — URL: https://www.academia.edu/63928926/Bowling_Alone_The_Collapse_and_Revival_of_American_Community_Robert_D_Putnam_New_York_Simon_and_amp_Schuster_2000_541_pages (дата обращения: 30.05.2026).
2. Bourdieu P. The Forms of Capital / P. Bourdieu // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J.G. Richardson. — New York: Greenwood Press, 1986. — С. 241–258. — URL: https://archive.org/stream/bourdieu-the-forms-of-capital-1/Bourdieu%20The%20Forms%20of%20Capital-1_djvu.txt (дата обращения: 30.05.2026).
3. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / J. Habermas. — Cambridge: MIT Press, 1989. — 301 p. — URL: <https://archive.org/details/structuraltransf0000unse> (дата обращения: 30.05.2026).
4. Oldenburg R. The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community / R. Oldenburg. — New York: Marlowe, 1999. — 336 с. — URL: https://books.google.ru/books?id=0aOjHGdSKLMC&redir_esc=y (дата обращения: 30.05.2026).
5. Lefebvre H. The Production of Space / H. Lefebvre. — Oxford: Blackwell, 1991. — 454 с. — URL: https://monoskop.org/images/7/75/Lefebvre_Henri_The_Production_of_Space.pdf (дата обращения: 30.05.2026).
6. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities / J. Jacobs. — New York: Random House, 1961. — 458 с. — URL: <https://archive.org/details/deathlifeofgre00jaco> (дата обращения: 30.05.2026).
7. Coalter F.A Wider Social Role for Sport: Who's Keeping the Score? / F. Coalter — DOI: 10.4324/9780203014615 // — London: Routledge, 2007. — 216 с.
8. Nicholson M. Sport and Social Capital / M. Nicholson, R. Hoye. — DOI: 10.4324/9780080569727 // London: Routledge, 2008. — 390 с.
9. Schulenkorf N. Sustainable community development through sport and events: A conceptual framework for Sport-for-Development projects / N. Schulenkorf — DOI: 10.1016/j.smr.2011.06.001 // Sport Management Review. — 2012. — Т. 15, №. 1. — С. 1–12.
10. Schulenkorf N. Sport-for-Development: An Integrated Literature Review / N. Schulenkorf, E. Sherry, K. Rowe — DOI: 10.1123/jsm.2014-0263 // Journal of Sport Management. — 2016. — Т. 30, №. 1. — С. 22-39.

11. Hoyer R. Involvement in sport and social connectedness / R. Hoyer, M. Nicholson, K. Brown — DOI: 10.1177/1012690212466076 // *International Review for the Sociology of Sport*. — 2015. — Т. 50, №. 1. — С. 3–21.
12. Spaaij R. Refugee youth, belonging and community sport / R. Spaaij — DOI: 10.1080/02614367.2014.893006 // *Leisure Studies*. — 2015. — Т. 34, №. 3. — С. 303–318.
13. Spaaij R. Sport, Refugees, and Forced Migration: A Critical Review of the Literature / R. Spaaij, J. Broerse, S. Oxford, C. Luguetti, F. McLachlan, B. McDonald, B. Klepac, L. Lymbery, J. Bishara, A. Pankowiak — DOI: 10.3389/fspor.2019.00047 // *Frontiers in Sports and Active Living*. — 2019. — Т. 1. — С. 47.
14. Giulianotti R. Sport and globalization: transnational dimensions / R. Giulianotti, R. Robertson — DOI: 10.1111/j.1471-0374.2007.00159.x. // *Global Networks*. — 2007. — Т. 7, №. 2. — С. 107–112.
15. Grix J. Of mechanisms and myths: Conceptualising states' "soft power" strategies through sports mega-events / J. Grix, P.M. Brannagan — DOI: 10.1080/09592296.2016.1169791 // *Diplomacy & Statecraft*. — 2016. — Т. 27, №. 2. — С. 251–272.
16. Brannagan P.M. Soft power and soft disempowerment: Qatar, global sport and football's 2022 World Cup finals / P.M. Brannagan, R. Giulianotti — DOI: 10.1080/02614367.2014.964291 // *Leisure Studies*. — 2015. — Т. 34, №. 6. — С. 703–719.
17. Koch N. The geopolitics of sport beyond soft power: event ethnography and the 2016 Cycling World Championships in Qatar / N. Koch — DOI: 10.1080/17430437.2018.1487403 // *Sport in Society*. — 2018. — Т. 21, №. 12. — С. 2010–2031.
18. Koch N. Sport and soft authoritarian nation-building / N. Koch — DOI: 10.1016/j.polgeo.2012.11.006 // *Political Geography*. — 2013. — Т. 32. — С. 42–51.
19. Pfister G. Women in sport - gender relations and future perspectives / G. Pfister — DOI: 10.1080/17430430903522954 // *Sport in Society*. — 2010. — Т. 13, №. 2. — С. 234–248.
20. Benn T. Muslim Women and Sport / T. Benn, G. Pfister, H. Jawad. — DOI: 10.4324/9780203880630 // London: Routledge, 2010. — 296 с.
21. Dagkas S. Multiple voices: improving participation of Muslim girls in physical education and school sport / S. Dagkas, T. Benn, H. Jawad — DOI: 10.1080/13573322.2011.540427 // *Sport, Education and Society*. — 2011. — Т. 16, №. 2. — С. 223–239.
22. Elsheshtawy Y. Dubai: Behind an Urban Spectacle / Y. Elsheshtawy. — DOI: 10.4324/9780203869703 // — London: Routledge, 2009. — 294 с.

Ammar Alhasan

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia
E-mail: 1042255221@rudn.ru

The impact of sports infrastructure on social interaction in the urban environment of the Middle East

Abstract. The article presents a review-based theoretical analysis of how sports infrastructure influences social interaction in Middle Eastern cities. The relevance of the topic is shaped by rapid urbanization, migration diversity, commercialization of leisure and the search for new forms of public integration. The author considers sports facilities not merely as recreational buildings, but as components of urban social infrastructure through which everyday encounters, trust, collective identity and regimes of access to public space are produced. The research method relies on a critical reading of literature on social capital, public sphere theory, urban sociology, sociology of sport and Middle Eastern urban studies. The article identifies spatial, institutional, cultural-symbolic, gender-related and economic mechanisms through which sports infrastructure affects urban interaction. It is shown that the integrative potential of sport depends less on the size of a facility than on accessibility, frequency of use, programmatic governance and the capacity to include diverse groups. A comparison of Qatar, the United Arab Emirates and Saudi Arabia reveals representational, market-urban and reformist-inclusive models. The article concludes that sports infrastructure has an ambivalent character: it can strengthen bridging ties, yet under elitist or event-centred governance it may reproduce urban stratification.

Keywords: sports infrastructure; social interaction; urban sport; social capital; public space; Middle East; urban integration; sports mega-events; gender inclusion